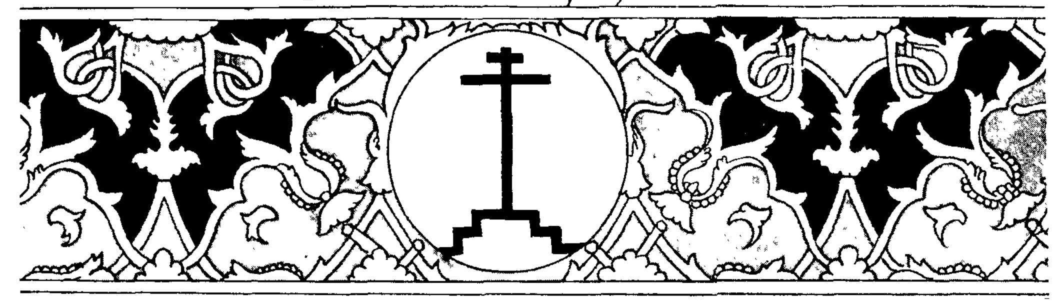
Епископъ Трифонъ.

Св. Іоаннъ Златоустъ.

страдалецъ и другъ страждущихъ.

ВТОРОЕ ИЗДАНІЕ

РИСУНКИ

В. В. СПАССКАГО

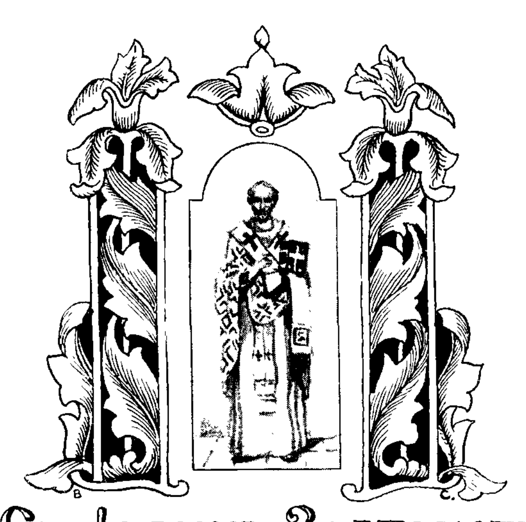
От Московскаго Духовно-Цензурнаго Комитета печатать дозволяется. Москва. Января 16 го дня, 1914 года.

Цензоръ Протоіерей *Іоаннъ Соловьевъ.*

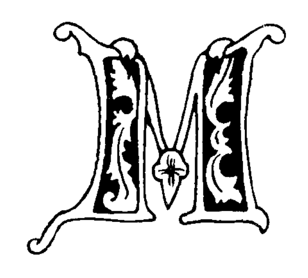
МОСКВА.

Типо-Литографія И. Ефимова, преемн. И. С. Ефимовъ, Бол. Якиманка, соб д.

1914 г

Св. Іоаннъ Златоустъ —
страдалецъ и другъ страждущихъ

ы собрались сегодня *), дорогіе братіе и сестры, вспомянуть многострадальнаго Святителя Божія, св. Іоанна Златоуста. Вѣдь, если намъ слѣдовало бы знать жизнь каждаго Святого, то тѣмъ болѣе необходимо намъ быть знакомыми съ жизнеописаніемъ святого Златоуста, имя котораго каждодневно молитвенно вспоминается на божественной литургіи, по преданію, имъ составленной. Жизнь его и вообще назидательна для насъ, слабыхъ и колеблющихся, какъ примѣръ пламенной вѣры, твердаго стоянья за правду Божію, самоотверженной любви къ людямъ,

) Чтеніе это было предложено въ первый разъ Преосвященнымъ Епископомъ Трифономъ въ 1912 году въ пользу комитета для голодающихъ, находившагося подъ почетнымъ предсѣдательствомъ Ея Императорскаго Высочества, Великой Княгини Елисаветы Θеодоровны

глубокой преданности волѣ Божіей, выражавшейся въ терпѣливомъ перенесеніи неслыханныхъ страданій. Глубокопазидательны и его творенія: — толкованіе св. Писанія и множество проповѣдей. Среди послѣднихъ особенно много поученій о милосердіи къ бѣднымъ. Его поистинѣ можно назвать другомъ бѣдныхъ. Онъ ихъ любилъ всѣмъ сердцемъ за ихъ преданность Святой Церкви, за ихъ добрую христіанскую жизнь, за ихъ страданья и скорбь; и тѣ въ свою очередь платили ему нѣжною любовью, не оставляя его даже въ тяжкое время гоненій. Но было бы совершенно несправедливо считать Іоанна Златоуста какимъ-то демагогомъ, народнымъ трибуномъ. Не о земномъ благополучіи людей заботился онъ, а о совершенствѣ духа человѣческаго, о достиженіи людьми свѣтлыхъ, небесныхъ радостей. Если ему пришлось терпѣть отъ богатыхъ и знатныхъ людей, то это потому, что, по своей пламенной ревности о правдѣ Божіей, онъ съ силой прр. Иліи и Іоанна Крестителя громилъ людскіе пороки; и злоба людская возстала противъ него въ лицѣ сильныхъ и преслѣдовала его своей ненавистью до самой могилы, а онъ, испуская духъ свой среди этихъ страданій, восклицалъ: «слава Богу за все».

Великолѣпенъ былъ городъ Антіохія въ IV-мъ столѣтіи послѣ Рождества Христова. Это была эпоха ея величайшаго расцвѣта, и ею по справедливости славился весь Востокъ. Отличаясь живописностью своей и чрезвычайно пріятнымъ, мягкимъ климатомъ, она въ то же время славилась и благоустройствомъ, которое сдѣлало бы честь любому современному городу. Длинныя, широкія улицы, обсаженныя лавровыми и миртовыми деревьями, великолѣпныя зданія, чудно-устроенное освѣщеніе, бла-

годаря которому и вечеромъ было такъ же свѣтло, какъ днемъ, — все это дѣлало Антіохію однимъ изъ самыхъ красивыхъ городовъ Востока. Жизнь кипѣла въ ней ключомъ: — торговые, политическіе, художественные и религіозные интересы волновали жителей и иностранцевъ, которые пріѣзжали сюда какъ для устройства своихъ дѣлъ, такъ и для отдыха. Шумитъ и волнуется многочисленная толпа на улицахъ и площадяхъ, наполняетъ многочисленные театры, цирки, лихорадочно живетъ интересами дня; толпа горячая, южная, страстная, въ живописныхъ, яркихъ костюмахъ. Какъ далека она кажется отъ святой и тихой простоты христіанской жизни, а между тѣмъ тутъ, въ самыхъ нѣдрахъ этого распущеннаго, роскошнаго города, незамѣтно пока для людей, созрѣваетъ великій христіанинъ, славный учитель, другъ бѣдныхъ и скорбныхъ. Въ одной изъ отдаленныхъ отъ центра и пустынныхъ улицъ стоитъ небольшой скромный домикъ. Взойдемъ въ него! Скромная обстановка... тишина... на скамейкѣ сидятъ двое: юная красавица — мать и маленькій мальчикъ съ тонкими подвижными чертами лица и съ большими черными глазами. У него развернута большая книга: св. Евангеліе — онъ учится читать. — То праведная Анѳуса и ея сынъ Іоаннъ, — впослѣдствіи — Великій Златоустъ.

Оставшись послѣ смерти своего мужа, занимавшаго видную военную должность, вдовой, Анѳуса, несмотря на свою молодость и красоту, всецѣло отдалась воспитанію своихъ малолѣтнихъ дѣтей: мальчика Іоанна и дѣвочки. Послѣдняя скоро умерла, и Анѳуса всю нѣжность своего сердца, всю свою любовь излила на маленькаго Златоуста. Она воспитывала его въ строго христіанскомъ духѣ, и первая книга, которую они изучали,

было Евангеліе. Едва умѣя лепетать, въ самомъ раннемъ возрастѣ, Іоаннъ познакомился съ земной жизнью, страданьями и ученіемъ Христа Спасителя. Эта книга была, такъ-сказать, фундаментомъ, на которомъ возрасло зданіе его великихъ добродѣтелей. Ему открылись съ дѣтства уже тайны христіанства: стремленіе къ идеальному христіанскому совершенству, ибо Спаситель сказалъ: «будьте совершенны, какъ совершенъ Отецъ вашъ Небесный» (Мѳ. 5, 48); — къ величайшей, пламенной и самоотверженной любви къ ближнему, ибо Спаситель сказалъ: — «по тому узнаютъ всѣ, что вы Мои ученики, если будете имѣть любовь между собою» (Іоан. 13, 35); — къ величайшему терпѣнію въ перенесеніи всѣхъ земныхъ страданій и бѣдствій, ибо Спаситель сказалъ: — «претерпѣвшій же до конца спасется» (Мѳ. 10, 22). И любимой молитвой Іоанна съ ранняго дѣтства была: — «Слава Богу за все! и за радости, и за горе!»

По обычаю того времени, Іоаннъ былъ отданъ въ школу знаменитаго въ то время въ Антіохіи Ливанія. Тамъ онъ изучалъ всевозможныя науки, по преимуществу философію, юридическія науки, словесность и ораторское искусство, въ которомъ особенно былъ силенъ Ливаній. Въ этомъ послѣднемъ искусствѣ Іоаннъ оказалъ наибольшіе успѣхи: Ливаній приготовлялъ его къ дѣятельности адвоката, пророчествовалъ ему блестящую будущность и не разъ, впослѣдствіи, со вздохомъ говаривалъ: — «какимъ бы великимъ человѣкомъ былъ Іоаннъ, если бы его у меня не украли христіане». Окончивъ курсъ, Іоаннъ первое время, дѣйствительно, занялся адвокатурой. Эти занятія послужили на пользу ему въ томъ отношеніи, что, благодаря имъ, онъ по-

знакомился съ преступнымъ міромъ и на опытѣ могъ увидать, какъ зло лукаво, какъ хитро оно побѣждаетъ человѣка; какъ несчастенъ человѣкъ, поддавшійся этимъ внушеніямъ зла, и какъ все-таки несмотря на свою мрачность и темноту, въ каждой преступной душѣ теплится искра Божія; и какъ слабый, бѣдный, несчастный человѣкъ, крѣпкими цѣпями своихъ страстей прикованный къ землѣ, плачетъ и тоскуетъ о потерянномъ раѣ. Въ этотъ періодъ своей мірской жизни Іоаннъ Златоустъ, по своей страстной, горячей натурѣ, сталъ было увлекаться и свѣтскими развлеченіями: — театромъ, циркомъ; но голосъ Божій звалъ его къ другой жизни, и онъ все оставилъ и пошелъ за нимъ.—Онъ принялъ крещеніе (въ то время крещеніе принимали взрослые) и окончательно порвалъ всякія связи съ мірской жизнью.

Въ то же время Іоаннъ сталъ молчаливымъ, задумчивымъ, сталъ блѣднѣть, худѣть: — очевидно, въ немъ созрѣвало какое-то важное рѣшеніе, которое тяжело было высказать своей матери. Наконецъ онъ рѣшился; и съ трепетомъ сердечнымъ, со слезами, онъ открылъ ей свое намѣреніе сдѣлаться монахомъ. Горе его матери было неописуемо: — «она взяла меня за руку»,— говорилъ впослѣдствіи Іоаннъ Златоустъ,—«и, обливаясь слезами, стала говорить слова, еще печальнѣе слезъ».

— «Милый мой сынъ, единственное утѣшеніе моей горькой жизни, умоляю тебя: пожалѣй меня: вѣдь я тебѣ не сдѣлала никакого зла! Потерпи, по крайней мѣрѣ, до моей смерти; не заставляй меня переживать еще разъ тотъ ужасъ одиночества, который я испытывала послѣ смерти твоего отца! — Я уже выплакала тогда всѣ слезы; я уже тогда истерзала всю свою грудь страданьями!—Неужели мнѣ еще плакать, еще страдать?

Другъ мой, мой единственный другъ,—пожалѣй меня— твою несчастную мать!» Іоаннъ Златоустъ послушался своей матери и остался до ея кончины около нея.

Тѣмъ не менѣе, все-таки онъ постепенно готовилъ себя къ служенію Церкви, пристально изучая и наблюдая современную религіозную жизнь народа, его духовные недуги, которые впослѣдствіи слѣдовало лѣчить. Въ то время антіохійскіе христіане страдали отъ двухъ главныхъ болѣзней души: — съ одной стороны— отъ языческой распущенности жизни, съ другой — отъ аріанскихъ еретическихъ заблужденій. Да и не могло быть иначе! Въ своей юности Іоаннъ былъ свидѣтелемъ отчаянной борьбы съ христіанствомъ, которую велъ Юліанъ-отступникъ, всѣ силы употребившій для того, чтобы сломить ненавистное ему христіанство, и погибшій въ этой борьбѣ. Іоаннъ припоминалъ, какъ въ годы своей юности, еще когда онъ учился у Ливанія, тотъ. съ презрительнымъ высокомѣріемъ истинно просвѣщеннаго человѣка, обратился въ присутствіи Іоанна съ насмѣшливымъ вопросомъ къ одному христіанину: «ну, скажи мнѣ, что подѣлываетъ теперь сынъ плотника?» На что тотъ отвѣчалъ: — «Тотъ, Кого ты называешь сыномъ плотника, въ дѣйствительности есть Сынъ Божій, Творецъ неба и земли! — Ты спрашиваешь, что Онъ дѣлаетъ?—Онъ строитъ теперь погребальныя дроги!»

И, дѣйствительно, вскорѣ распространилась вѣсть, что Юліанъ умеръ. Во время персидскаго похода онъ былъ смертельно раненъ и, какъ разсказываетъ преданіе, упавъ на землю, въ безумной ярости онъ бросалъ къ солнцу комья грязи съ запекшейся своею кровью и, уже съ предсмертнымъ вздохомъ, восклицалъ: «Ты побѣдилъ меня, Галилеянинъ»!

Онъ умеръ, но ядовитыя сѣмена, брошенныя въ христіанскую среду, возрасли и дали плодъ въ видѣ распущенной языческой жизни; а съ другой стороны — тяжко волновала весь Востокъ аріанская ересь: не только міряне, но и духовныя лица, и даже епископы были ею заражены. На площадяхъ, на улицахъ происходили оживленные богословскіе споры, кончавшіеся жестокими побоищами. Такимъ образомъ, много было среди антіохійцевъ христіанъ только по имени и язычниковъ по жизни; а затѣмъ не меньше было и неправославныхъ христіанъ. Іоаннъ понималъ, какой тяжкій подвигъ былъ — быть пастыремъ среди такой паствы; какихъ высокихъ духовныхъ совершенствъ требуетъ это служеніе. Вотъ почему въ своихъ письмахъ о священствѣ онъ говоритъ, что священникъ долженъ имѣть душу чище лучей солнечныхъ, чтобы его никогда не оставлялъ Духъ Святый. И, сознавая это, онъ со свойственною ему стремительностью, послѣ смерти матери удалился въ пустыню, находившуюся за Антіохіей, гдѣ въ то время жили величайшіе подвижники, для того, чтобы усовершенствоваться духовно и тѣмъ подготовить себя къ принятію священства. Необычайно была сурова ихъ жизнь: намъ, слабымъ, изнѣженнымъ, невѣроятными представляются тѣ подвиги, какіе они тамъ несли. Весь день и почти всю ночь проводили они въ молитвѣ, чтеніи Св. Писанія и рукодѣльи; пища ихъ — одинъ хлѣбъ, и то въ ограниченномъ количествѣ, и вода; изголовье — камень; но Златоусту показалось мало этихъ подвиговъ: онъ удаляется въ самую глубь пустыни, затворяется тамъ въ мрачной сырой пещерѣ, не имѣя здѣсь ни постели, ни стула, ни стола, опираясь на стѣну пещеры, и здѣсь предается пламенной молитвѣ.

И вотъ, изъ этого періода его жизни, мнѣ особенно ясно рисуется одна картина.

Глубокая ночь! звѣздное небо... все спитъ въ природѣ... не слышится ни одного звука, одинъ лишь человѣкъ бодрствуетъ въ это время въ пустынѣ: — то молодой подвижникъ Іоаннъ! Стоя на колѣняхъ и простирая руки къ небу, онъ молится пламенной молитвой. Онъ молится о томъ, чтобы Господь сподобилъ его быть истиннымъ пастыремъ Христовымъ, чтобы всегда ему итти путемъ евангельской правды, чтобы хранить въ цѣлости Церковь Христову, ради нея, если надо, пожертвовать всѣмъ, даже жизнью; душу свою отдать за паству свою. Любить любовью Христовою всѣхъ ввѣренныхъ ему дѣтей духовныхъ. Особенно же, всѣхъ страждущихъ, скорбящихъ, бѣдныхъ и угнетенныхъ.— вести ихъ всѣхъ къ совершенству — царству небесному. Но наконецъ силы его не выдержали, и онъ долженъ былъ прекратить подвигъ пустынножительства и возвратиться въ Антіохію, послѣ шести лѣтъ подвижничества. Жизнь эта надломила его здоровье, но за то укрѣпила его духъ; оттуда онъ вынесъ глубокое знанье и пониманье Св. Писанія, пламенную вѣру и ту ясную проницательность души, доходящую до прозорливости, которая присуща всѣмъ Святымъ, долгіе годы проводившимъ въ подвигахъ самоуглубленія и молитвы.

По возвращеніи изъ пустыни онъ былъ посвященъ въ санъ діакона, а затѣмъ рукоположенъ епископомъ Флавіаномъ въ санъ пресвитера. Уже въ санѣ діакона Іоаннъ своею любовью завоевалъ сердца антіохійцевъ, и его посвященіе въ санъ священника было встрѣчено большой радостью всего населенія, тѣмъ болѣе, что по городу распространился слухъ о необыкновенныхъ

ораторскихъ способностяхъ молодого священника. Уже первая его проповѣдь, гдѣ онъ рисуетъ идеалъ священства, очень понравилась народу; а затѣмъ, дальнѣйшія его проповѣди все больше и больше привлекали сердца антіохійцевъ, и храмы, гдѣ онъ проповѣдывалъ, были всегда полны народомъ. Люди самыхъ разнообразныхъ классовъ и образованій приходили послушать Златоуста. Увлекательное краснорѣчіе его проповѣдей, глубокое толкованіе Св. Писанія, глубокое знаніе человѣческаго сердца, легкость рѣчи, живость и страстность изложенія, образность, множество разнообразныхъ сравненій, убѣжденность, пламенная вѣра, а главное, самая пламенная любовь къ людямъ — дѣлали необыкновенно привлекательными его проповѣди; иногда страстные южане, восхищенные его словами, не могли удержаться отъ рукоплесканій, что было крайне непріятно Златоусту. Въ то время онъ и получилъ свое названіе.

Разсказываютъ, что одна бѣдная женщина воскликнула послѣ одной изъ его проповѣдей: «Святой Іоаннъ. Святитель Божій, Золотыя Уста! мы не все можемъ понять въ твоихъ рѣчахъ, ибо смыслъ ихъ для насъ слишкомъ глубокъ». Съ этихъ поръ Іоаннъ началъ говорить настолько просто, чтобы быть понятнымъ и людямъ необразованнымъ. Въ своихъ проповѣдяхъ онъ касался разнообразныхъ предметовъ, но въ особенности онъ много говорилъ о милосердіи къ бѣднымъ.

Такъ, напримѣръ, въ одной изъ своихъ проповѣдей онъ говоритъ такимъ образомъ: — «Бѣдные суть также дѣти одного Отца небеснаго, въ лицѣ которыхъ намъ представляется Самъ Іисусъ Христосъ. Онъ благоволилъ, чтобы доставить намъ случай засвидѣтельствовать къ

Нему любовь и признательность, являться къ намъ въ *лицѣ бѣдныхъ, странниковъ, узниковъ и болящихъ*. Онъ говоритъ намъ устами сихъ несчастныхъ: если вы не хотѣли быть признательными ко Мнѣ за все, что Я сдѣлалъ и потерпѣлъ для васъ, имѣйте состраданіе къ Моей бѣдности, если Моя бѣдность не трогаетъ васъ, сжальтесь надъ Моими страданіями, которыя изнуряютъ Меня, надъ Моими цѣпями, которыя тяготятъ Мои руки и ноги. Если Мои страданія, бѣдность, цѣпи не трогаютъ васъ, подумайте хотя о томъ, какъ мало то, чего Я у васъ прошу. Я не требую отъ васъ многоцѣнныхъ приношеній; Я прошу только одинъ кусокъ хлѣба, кровъ отъ темной ночи, слово ласковое и совѣтъ добрый. Подайте Мнѣ милостыню, чтобы пріобрѣсти право на тѣ небесныя награды, которыя Я обѣщалъ милостивымъ».

Да и какъ ему было не любить бѣдныхъ! Онъ видѣлъ, насколько они своимъ благочестіемъ, своею преданностію церкви превосходятъ богатыхъ. Въ то время, когда послѣдніе, оставаясь въ глубинѣ души язычниками, все свое время посвящаютъ забавамъ и развлеченіямъ, а въ церковь являются только по необходимости, и то на самое короткое время, бѣдные наполняютъ храмы, внимательно слушаютъ проповѣди, усердно молятся. Какъ же было не любить Златоусту этихъ преданнѣйшихъ ему дѣтей духовныхъ, любовь которыхъ ничто не могло поколебать: ни гоненія, ни изгнанія, ни насмѣшки, ни издѣвательства, ни униженія любимаго архипастыря, — которые съ радостью шли за нимъ на вѣрную смерть. Да, поистинѣ, и онъ на любовь отвѣчалъ пламенною любовью. Неложно было его слово, когда онъ имъ говорилъ: «Я люблю васъ такъ же, какъ

и вы меня. Вы замѣняете мнѣ отца, мать, братьевъ, дѣтей. Вы для меня — все на свѣтѣ! И когда одинъ изъ васъ погибаетъ, погибаю и я!»

Но не однихъ только бѣдныхъ, онъ любилъ и всю свою паству, что доказалъ во время одного тяжелаго несчастья, обрушившагося на Антіохію: — то былъ бунтъ антіохійцевъ противъ императора Ѳеодосія, случившійся по слѣдующему поводу.

Императоръ, желая отпраздновать десятилѣтіе своего царствованія, наложилъ тяжелыя подати на антіохійцевъ. Антіохійцы, хотя въ большинствѣ своемъ довольно богатые, тѣмъ не менѣе сочли этотъ налогъ несправедливымъ и, возбуждаемые нѣкоторыми народными ораторами, произвели страшное возмущеніе. Южная толпа — страстная и горячая — долгое время шумѣла и безчинствовала въ городѣ, затѣмъ бросилась въ предмѣстье его — Даѳну, осадила царскій дворецъ, ворвалась въ комнату, гдѣ находились статуи Ѳеодосія и его семейства, камнями повалила ихъ на землю, съ яростными криками повлекла ихъ по городу и наконецъ бросила въ рѣку. Послѣ этого пароксизма бѣшенства народъ опомнился. Страшное уныніе овладѣло имъ; послѣ крика ярости, наступила зловѣщая тишина: улицы опустѣли... всѣ спрятались въ свои дома... каждый говорилъ: «что мы сдѣлали! теперь насъ ждетъ неминуемая казнь!»

Тогда-то во всей своей духовной силѣ и являются духовные вожди: епископъ Флавіанъ и священникъ Іоаннъ. Первый, несмотря на свою дряхлость, отправляется въ Константинополь просить царя о помилованіи, а второй — день и ночь молится въ храмѣ, утѣшаетъ народъ, ободряетъ его надеждой на милость Божію.

— «Предайте мнѣ ваши души! — говоритъ онъ: — отбросьте ваши печали, возложимъ все на Бога. Это послужитъ намъ къ прекращенію бѣдствія, потому что когда Господь увидитъ, что мы со вниманіемъ слушаемъ Его слово и въ самое бѣдственное время не оставляемъ молитвы, то скоро подастъ намъ помощь и благую перемѣну, превративъ бурю въ тишину. Не упадемъ же духомъ, возлюбленные! Не столько мы заботимся о своемъ спасеніи, сколько сотворившій насъ Богъ. Не столько мы печемся о себѣ, сколько Тотъ, Кто даровалъ намъ душу и даетъ такое множество благъ. Окрылимъ себя надеждою и будемъ благодушно ожидать, что благоугодно будетъ Господу сотворить съ нами». — И, дѣйствительно, совершилось по его слову.

Горячій сердцемъ, но великодушный, — императоръ Ѳеодосій простилъ антіохійцевъ. Послѣ этого любовь народа къ Іоанну еще болѣе возрасла. Они не хотѣли отпускать его ни на одинъ день изъ города; даже когда онъ хотѣлъ удалиться за городъ, чтобы немного отдохнуть, народъ говорилъ ему: «вернись, ибо безъ тебя мы погибаемъ». Тѣмъ не менѣе, имъ вскорѣ пришлось уже навсегда разстаться съ нимъ. Іоаннъ Златоустъ былъ вскорѣ послѣ этого назначенъ архіепископомъ Константинопольскимъ и увезенъ тайно въ Константинополь нѣкіимъ евнухомъ Евтропіемъ, самымъ тогда важнымъ сановникомъ въ государствѣ и ближайшимъ другомъ императора Аркадія, который занялъ престолъ послѣ отца своего Ѳеодосія.

Златоустъ былъ милостиво принятъ императоромъ, сказавшимъ ему, чтобы онъ готовился къ посвященію.

Замѣчательный контрастъ представлялъ Златоустъ, — небольшого роста, худой, загорѣлый, въ скромной.

можно сказать, въ бѣдной одеждѣ — съ великолѣпіемъ и роскошью Византійскаго двора. Зала, въ которой онъ былъ принятъ, была вся разукрашена золотомъ, розовымъ — золотистымъ мраморомъ и драгоцѣнными камнями, даже самый полъ былъ посыпанъ золотымъ пескомъ. Придворные воины и сановники были украшены жемчугомъ и смарагдами; золотой тронъ поддерживался золотыми львами; на немъ въ пурпурной одеждѣ, украшенной жемчугами и рубинами, возсѣдалъ Аркадій; на головѣ его сверкала діадема, такъ красиво шедшая къ его чернымъ волосамъ. Послѣ императора, Златоустъ былъ еще болѣе милостиво принятъ императрицей Евдоксіей, которая поцѣловала у него руку и обѣщала ему всякую помощь въ его подвигахъ милосердія. 26-го февраля 398 года совершено посвященіе Златоуста въ санъ архіепископа александрійскимъ патріархомъ Ѳеофиломъ, (своимъ тайнымъ недоброжелателемъ) въ великолѣпномъ храмѣ Софіи, въ присутствіи императора, императрицы и множества народа. Въ своей рѣчи послѣ посвященія Златоустъ, намѣчая программу своей будущей дѣятельности, главнымъ образомъ обѣщалъ стремиться всѣми пастырскими средствами къ тому, чтобы распространять православную вѣру среди язычниковъ и еретиковъ, а затѣмъ, чтобы среди православныхъ улучшить нравы, поднять ихъ нравственность на высокую степень совершенства. Особенно знаменательны его слова: «Я, при помощи Божіей, буду смѣло обличать пороки; я не буду входить ни въ какія соглашенія, не буду заключать никакого договора съ адомъ. Для нечестія и порока я буду непреклоннымъ врагомъ. Но по отношенію къ самимъ грѣшникамъ я всегда готовъ дѣйствовать въ духѣ состраданія и, на-

сколько это будетъ зависѣть отъ меня и возможно мнѣ, не вредя правдѣ и благу Церкви, буду жить въ мирѣ со всѣми». Закончилъ онъ свою рѣчь просьбою молитвенной помощи у своей паствы.

Іоаннъ Златоустъ былъ прямая противоположность своему предшественнику, — архіепископу Нектарію. Послѣдній, будучи, до принятія святительскаго сана, знатнымъ свѣтскимъ сановникомъ, остался, въ существѣ дѣла, такимъ же и въ санѣ архіепископа. Онъ любилъ пышную, блестящую жизнь, свѣтское общество, любилъ давать роскошные обѣды своимъ многочисленнымъ знакомымъ, вовсе не заботился о духовномъ воспитаніи своей паствы и относился самымъ внѣшнимъ образомъ къ своимъ обязанностямъ. Совершая въ торжественные дни богослуженія, говоря холодныя, заученныя проповѣди, да принимая просителей, разбирая бумажныя дѣла, онъ не прилежалъ сердцемъ къ своимъ обязанностямъ. Онъ не былъ ни для кого опасенъ, и поэтому всѣ относились къ нему доброжелательно. Не таковъ былъ Іоаннъ Златоустъ: — онъ весь былъ огонь въ ревности о славѣ Божіей Церкви. Величайшій подвижникъ, — въ своей личной жизни онъ изгналъ всякую роскошь съ архіепископскаго двора; всѣ золотыя и серебряныя вещи были проданы, и деньги розданы бѣднымъ. Многочисленная свита была распущена: онъ ограничился двумя или тремя преданными ему людьми. Прекратились роскошные обѣды, ибо Іоаннъ довольствовался самой скромной пищей изъ овощей съ прибавленіемъ иногда немного рыбы и бѣлаго мяса. Прекратился пріемъ праздныхъ посѣтителей, ибо къ Іоанну имѣли доступъ только тѣ, которые нуждались въ немъ, какъ пастырѣ Церкви. Единственною роскошью была

его многотомная библіотека. Но въ особенности рѣзка была его противоположность съ Нектаріемъ въ отношеніи къ клиру и паствѣ. Въ то время, какъ послѣдній сквозь пальцы смотрѣлъ на злоупотребленія, роскошь и развратъ клира, на маловѣріе, ереси и всякаго рода пороки мірянъ, Іоаннъ Златоустъ явился пламеннымъ обличителемъ и карателемъ всего порочнаго. Рѣшительный, прямолинейный онъ, дѣйствительно, не умѣлъ входить въ сдѣлки со зломъ, какъ онъ сказалъ въ своей вступительной рѣчи. Онъ обличалъ, запрещалъ и изгонялъ изъ предѣловъ своей епархіи лѣнивыхъ и развратныхъ иноковъ и клириковъ, которые, вмѣсто того, чтобы подавать добрый примѣръ словомъ или дѣломъ мірянамъ, сами оказывались хуже ихъ, проводя жизнь среди свѣтскихъ людей, въ веселыхъ пирахъ и полной лѣности, нисколько не заботясь о своихъ обязанностяхъ.

Онъ обличалъ и свою паству въ холодности къ храму Божіему, въ любви къ безнравственнымъ языческимъ зрѣлищамъ, жестокости къ бѣднымъ и несчастнымъ, въ гордости, въ неправославіи и др. порокахъ. Этимъ онъ страшно вооружилъ противъ себя худшую часть клира и многихъ знатныхъ и богатыхъ мірянъ. Сначала шопотомъ, а затѣмъ все громче и громче стали раздаваться голоса противъ Іоанна Златоуста. — Онъ-де несправедливъ, жестокъ, своею нетерпимостью оттолкнетъ народъ отъ церкви! Къ чему эти обличенія богатыхъ и знатныхъ? — онъ возмущаетъ этимъ народъ!

Постепенно къ этому стала примѣшиваться и клевета! «Вотъ, другихъ-то онъ обличаетъ, а самъ-то предается, какъ слышно, неслыханнымъ порокамъ!.. — Зачѣмъ онъ запирается отъ людей?.. — потому что онъ лицемѣръ!..

Онъ тайно предается обжорству и пьянству!»... Эти змѣиныя рѣчи, передаваясь отъ одного къ другому, дошли до императорскаго дворца, въ частности до императрицы Евдоксіи; тѣмъ не менѣе, отношенія между Іоанномъ Златоустомъ и Евдоксіей были попрежнему удовлетворительными. Она принимала участіе въ открытіи св. мощей св. муч. Ѳоки и другихъ. Іоаннъ въ своей рѣчи даже похвалилъ благочестіе императрицы, назвавъ ее матерью церквей. Съ императоромъ Аркадіемъ отношенія его были тоже вполнѣ удовлетворительными, и онъ даже оказалъ великую государственную заслугу: — въ то время противъ Византіи возмутился римскій военачальникъ Гайна и подошелъ къ самому Константинополю, угрожая ему завоеваньемъ. Императоръ Аркадій палъ духомъ: ибо никто, кромѣ Іоанна, не хотѣлъ итти ко врагу для переговоровъ. Іоаннъ смѣло пошелъ къ Гайнѣ и побѣдилъ его сердце. — Тотъ не только согласился отступить отъ города, не причинивъ ему никакого вреда, но даже вмѣстѣ со своими колѣнопреклоненными сыновьями испросилъ благословеніе у Святителя, несмотря на то, что былъ аріанинъ и, слѣдовательно, злѣйшій врагъ христіанъ.

Кромѣ благоустройства богослуженія, монастырей, клира, Іоаннъ Златоустъ особенно много занимался миссіонерскимъ дѣломъ среди финикіянъ, скиѳовъ и готовъ. Посѣщалъ онъ и провинціальныя церкви для упорядоченія тамъ церковныхъ дѣлъ. Ночное время, остававшееся свободнымъ отъ многочисленныхъ административныхъ и богослужебныхъ обязанностей, онъ употреблялъ на письменные труды. Но въ особенности много времени онъ попрежнему отдавалъ своимъ друзьямъ — бѣднымъ: для ихъ назиданья и утѣшенья онъ

часто проповѣдывалъ, бесѣдамъ съ ними онъ отдавалъ все свое свободное время и всѣ свои средства; онъ построилъ нѣсколько домовъ призрѣнія бѣдныхъ, больницъ и другихъ богоугодныхъ заведеній. При немъ особенно развился институтъ діакониссъ, назначеніе которыхъ было не только помогать крещаемымъ женщинамъ, но и оказывать самую широкую благотворительность. Святая Церковь съ благодарностью вспоминаетъ и будетъ вѣчно вспоминать святыя имена: Сальвины, Ампрукты, Пентадіи и Олимпіады, жёнщинъ очень богатыхъ и знатныхъ, но ради Бога и ближнихъ оставившихъ все земное, «обнищавшихъ здѣсь на землѣ, чтобы обогатиться въ Царствіи Небесномъ», по слову самого Златоуста. И бѣдный простой народъ глубоко чтилъ Іоанна Златоуста: храмъ, гдѣ онъ служилъ, всегда былъ полонъ народомъ, который съ жадностью ловилъ каждое его слово; онъ жизнь свою готовъ былъ бы отдать за своего любимаго учителя. Поистинѣ, подобно ап. Павлу галатамъ, Іоаннъ Златоустъ могъ бы сказать константинопольцамъ: «вы готовы были бы вынуть свои очи и отдать ихъ мнѣ» (Гал. 4, 15), такъ вы меня любили! Тѣмъ не менѣе, все-таки злоба дѣлала свое дѣло, и должно было наступить время столкновенія Іоанна Златоуста съ императорскимъ дворомъ. Для этого нуженъ былъ только поводъ, и онъ открылся въ дѣлѣ евнуха Евтропія.

Властолюбивый временщикъ, нѣкогда привезшій въ Константинополь Іоанна Златоуста и сначала съ нимъ дружившій, затѣмъ, сдѣлавшись однимъ изъ его яростныхъ враговъ и гонителей, постепенно сталъ такъ забываться, что позволилъ себѣ дерзко обращаться даже съ самой императрицей. Та долго переносила всѣ эти

оскорбленія, но, наконецъ, сильно оскорбленная имъ, бросилась къ императору, захвативъ съ собою обѣихъ дочерей. Упавъ предъ императоромъ на колѣни, она воскликнула: «Твоя ли я жена, или нѣтъ? — Императрица я, или раба? — Твои ли это дѣти, и неужели ихъ мать для тебя ничего не значитъ?» — «Въ чемъ дѣло?» — спросилъ императоръ. «Меня оскорбилъ Евтропій, сказала Евдоксія: онъ угрожаетъ низвергнуть меня, когда только захочетъ этого. Скажи, кто же императоръ: ты или онъ?» Императоръ Аркадій, который давно тяготился зависимостью отъ Евтропія, приказалъ немедленно его арестовать. Евтропій въ страшномъ отчаяніи, не зная, куда ему дѣваться, бросился въ храмъ св. Софіи, ища тамъ убѣжища, а между тѣмъ еще такъ недавно настоялъ онъ на томъ, чтобы императоръ отмѣнилъ право убѣжищъ преслѣдуемымъ, которыми пользовались христіанскіе храмы, противъ чего, въ свое время, горячо возсталъ Іоаннъ Златоустъ. Здѣсь, въ этомъ храмѣ, ползая въ ногахъ Святителя, этотъ гордый человѣкъ просилъ Іоаннова милосердія и заступничества предъ императоромъ. Іоаннъ обѣщалъ ему и исполнилъ свое обѣщаніе. Воинамъ, которые ворвались въ храмъ, ища Евтропія, онъ рѣшительно заявилъ, что они только чрезъ его трупъ и священнослужителей пройдутъ къ Евтропію, а затѣмъ въ первый праздничный день совершилъ въ храмѣ св. Софіи литургію, на которой присутствовалъ императоръ, императрица, весь дворъ и множество народа. Когда всѣ собрались, Іоаннъ взошелъ на каѳедру для проповѣди, отдернулъ завѣсу, отдѣлявшую престолъ отъ народа; предъ взоромъ всѣхъ предсталъ несчастный Евтропій.

Этотъ, еще такъ недавно гордый временщикъ, предъ которымъ трепетали цѣлыя сотни тысячъ народу, повинуясь каждому его слову, въ грязной, изорванной одеждѣ, съ лицомъ блѣднымъ, искаженнымъ ужасомъ, стоялъ на колѣняхъ, судорожно обхвативъ одну изъ колоннъ престола, трепетно слушая вдохновенное слово Іоанна: «Суета суетъ и все суета. Всегда истинно это изреченіе, еще болѣе теперь. Гдѣ теперь блескъ, гдѣ убранства, гдѣ раболѣпные крики народа? Все прошло, буря ринулась на дерево, вырвала его съ корнемъ и повергла на землю. Гдѣ ложные друзья? Столы, уставленные яствами, чаши, наполненныя винами? Все исчезло, какъ сонъ. Запишите же на вашихъ стѣнахъ, на вашихъ одеждахъ, на окнахъ домовъ вашихъ, въ совѣсти вашей запишите и повторяйте это: суета суетъ и все суета». И обратившись къ Евтропію, Іоаннъ продолжалъ: «Развѣ я не говорилъ тебѣ, что богатство улетаетъ, а ты не хотѣлъ слушать меня. Развѣ не говорилъ, что слава — дымъ, какъ и увѣренія фальшивыхъ друзей? Я сдѣлался твоимъ врагомъ, потому что говорилъ тебѣ правду; но я былъ болѣе твоимъ вѣрнымъ другомъ, чѣмъ тѣ, кто тебѣ льстили. Они ушли къ твоимъ врагамъ, а я одинъ поддерживаю тебя. Ты оскорбилъ Церковь, а Церковь открыла тебѣ свои объятія». И, снова обратившись къ народу, онъ продолжалъ: «Не думайте, что я хочу оскорбить павшаго человѣка. Я нахожусь здѣсь не для того, чтобы усиливать страданія раненаго, но чтобы сохранить здоровье тѣмъ, которые еще не ранены. Посмотрите на святой престолъ: онъ украшенъ золотомъ и драгоцѣнными камнями, но богатѣйшее его украшеніе не золото и не камни, а этотъ несчастный бѣглецъ, который припалъ къ подножію

престола. Приступите же, и совершимъ теперь святое таинство; затѣмъ вмѣстѣ обратимся къ императору и попросимъ его милосердія и прощенія Евтропію. Повергнемъ къ его стопамъ золотые колосья жатвы нашего сострадания».

Евтропій былъ прощенъ, но отношенія къ Евдоксіи окончательно испортились. Мрачныя тучи надвинулись на Іоанна Златоуста. Должна была разразиться надъ нимъ гроза, и она разразилась. Въ числѣ лютыхъ враговъ Іоанна Златоуста былъ александрійскій патріархъ Θеофилъ, который давно мечталъ низложить его и занять его мѣсто. Нуженъ былъ только поводъ, и онъ нашелся.

Это было — принятіе Златоустомъ четырехъ монаховъ изъ александрійскаго патріархата. Монахи эти, извѣстные за свой длинный ростъ, подъ названіемъ «Долгіе братья» — были выгнаны безъ всякаго основанія, обвинены Θеофиломъ въ ереси и бѣжали въ Константинополь, ища покровительства патріархата. Они были приняты съ состраданіемъ и любовью Златоустомъ въ общеніе, и это дало поводъ Θеофилу самого Златоуста обвинить въ ереси. И вотъ онъ собираетъ соборъ изъ 23 епископовъ въ Дубѣ, — предмѣстьѣ Халкидона. На этомъ соборѣ обвиняютъ Златоуста въ 29 пунктахъ совершенно ложно и заочно низлагаютъ. Этотъ протоколъ собора былъ утвержденъ императоромъ Аркадіемъ. Когда объ этомъ узналъ народъ, то онъ пришелъ въ крайнее негодованіе. Громадныя толпы окружили архіепископскій домъ; настроеніе дѣлалось все болѣе и болѣе раздраженнымъ. — Кто-то пустилъ среди народа зловѣщее извѣстіе о томъ, что Златоусту угрожаетъ уже не ссылка. а смерть... что-де только не знаютъ, что выбрать для казни: — топоръ или мечъ!

Крики:—«требуемъ вселенскаго собора», вопли женщинъ, плачъ дѣтей, — все сливалось въ страшный гулъ. И среди этого смятенія оставался спокойнымъ только одинъ Златоустъ. А почему? — это онъ выразилъ въ своей прощальной рѣчи. Онъ собралъ вокругъ себя свою паству и такъ говорилъ: — «Братія, ужасная буря застигла насъ, и волны поражаютъ насъ съ небывалой силою; но мы не боимся потопленія, потому что опираемся на скалу. Сколько бы ни свирѣпствовало море, скала эта не потрясется. Сколько бы ни вздувались и ни хлестали волны, корабль Христовъ не погибнетъ. Чего же страшиться мнѣ? спрашиваю васъ. Смерти? Но я скажу съ Апостоломъ: «жизнь моя Христосъ, и смерть мое стяжаніе». Изгнанія? Но земля принадлежитъ Господу и со всѣмъ, что она содержитъ. Лишенія имущества? Я ничего не принесъ въ этотъ міръ и ничего не унесу изъ него съ собою. Все, что можетъ заставить человѣка трепетать, я презираю. Смѣюсь надъ богатствомъ, смѣюсь надъ почестями, которыхъ другіе такъ жаждутъ. Богатство для меня не болѣе, какъ нищета, и если я желаю жить, то только для того, чтобы быть съ вами, трудиться надъ вашимъ душевнымъ совершенствованіемъ. О, они совсѣмъ не знаютъ насъ! Христосъ со мною! Чего я устрашусь? Его Евангеліе въ рукахъ моихъ — посохъ, на который я опираюсь. Вотъ, гдѣ мое прибѣжище, вотъ мирная пристань души моей. Иродіада также здѣсь; Иродіада все еще пляшетъ, требуя головы Іоанна, и ей отдадутъ голову Іоанна, потому что она пляшетъ».

На другой день послѣ этого явился къ Іоанну императорскій чиновникъ и потребовалъ, чтобы Іоаннъ немедленно оставилъ городъ. «Корабль готовъ, чтобы от-

везти тебя въ ссылку, и если ты не уйдешь добровольно, то ты будешь увезенъ силою». И вотъ, исполняя это приказаніе, Іоаннъ ночью, тайно, весь закутанный плащомъ, чтобы народъ его не видалъ, вышелъ изъ своего дома и сѣлъ на корабль, который и отвезъ его на мѣсто его ссылки въ Пренетъ. Когда на другой день народъ узналъ, что Іоаннъ тайно увезенъ изъ Константинополя, поднялось уже настоящее возмущеніе: какъ разъяренное море, волновался народъ, и вездѣ кричали о неправедномъ судѣ надъ нимъ. Патріархъ Ѳеофилъ тайно бѣжалъ изъ города: иначе онъ былъ бы побитъ камнями. Увидавъ его домъ пустымъ, народъ громадными толпами повалилъ къ императорскому дворцу и съ криками, воплями и рыданіями взывалъ: — «возврати намъ святителя Іоанна!» Дрогнуло сердце Евдоксіи, и она начала раскаиваться въ совершенномъ! Въ это время вдругъ произошло страшное землетрясеніе: почва стала колебаться все сильнѣе и сильнѣе, подземные толчки все увеличивались, дома стали рушиться, стѣны падать. Смятеніе распространилось по всему городу, рыданіе и стоны несчастныхъ пострадавшихъ все усиливались, наконецъ, дрогнули стѣны самого дворца. Еще минута, еще секунда... — и дворецъ былъ бы разрушенъ. Тогда испуганная Евдоксія, накинувъ кое-какъ на себя одежду, бросилась къ императору, восклицая: — «это гнѣвъ Божій... — это за нашъ грѣхъ... о, возврати скорѣй Іоанна!» — Императоръ, въ глубинѣ души своей не переставшій почитать Іоанна, какъ человѣка Божія, немедленно отправилъ посла къ Іоанну съ письмомъ, въ которомъ императрица умоляла его немедленно вернуться въ Константинополь. И святитель Божій, забывъ о нанесенныхъ ему оскорбленіяхъ и помня только лю-

бовь къ нему народа, возвратился снова къ своей паствѣ; въ это время землетрясеніе уже прекратилось.

Наступила ночь. Несмѣтныя толпы народа собрались на берегъ пролива, чтобы встрѣтить своего возлюбленнаго Святителя. Съ факелами въ рукахъ сопровождали они вернувшагося Іоанна; шествіе приняло видъ огненной рѣки. Впереди всѣхъ шла сама императрица; народъ пѣлъ хвалебные гимны, многіе плакали слезами свѣтлой радости. Придя въ храмъ, Іоаннъ всталъ на каѳедру, а народъ весь опустился передъ нимъ на колѣни. Со слезами благословилъ его Святитель, такъ говоря: — «Благословенъ Богъ, удалившій меня! Благословенъ Онъ, возвратившій меня! Благословенъ Богъ, попустившій на меня бурю! Благословенъ Онъ, удалившій ее!» Чрезъ нѣсколько времени соборъ изъ 60-ти епископовъ, собравшихся въ Константинополѣ, отмѣнилъ рѣшеніе Дубскаго собора. Велика была радость народа, велико было торжество правды Божіей въ лицѣ Іоанна! — Но, — увы! — оно было непродолжительно. Прошло немного времени, и Іоаннъ былъ окончательно свергнутъ съ престола и уже до конца дней своихъ не видалъ болѣе своей паствы: — онъ умеръ бѣднымъ изгнанникомъ.

Поводомъ къ окончательному изгнанію Іоанна Златоуста послужила его обличительная рѣчь противъ Евдоксіи за то, что та воздвигла себѣ статую прямо за храмомъ и устроила по этому поводу торжественныя празднества, заглушавшія даже богослуженіе. Іоаннъ Златоустъ со свойственнымъ ему пыломъ обрушился на честолюбіе императрицы. Былъ созванъ новый соборъ, и такъ какъ онъ не пришелъ ни къ какому рѣшенію, то императоръ собственною властью велѣлъ лишить

Іоанна Златоуста архіепископскаго престола и изгнать его изъ города, а на его мѣсто избрать другого.

Была великая суббота; по обычаю того времени, въ этотъ день многіе готовились ко св. крещенію. Храмъ былъ полонъ народа. Женщины и дѣти въ бѣлыхъ одеждахъ готовились къ таинству крещенія и св. мѵропомазанія. Діаконисcы приготовляли все необходимое для совершенія этихъ таинствъ. Благоговѣйно молился священникъ, благоговѣйно раздавались въ воздухѣ церковныя пѣснопѣнія. Вдругъ ворвался отрядъ солдатъ, ища Златоуста. Крикъ... шумъ... вопли... стоны раненыхъ — смѣнили благоговѣйную тишину; ища Златоуста, они опрокинули священное вино Евхаристіи... вода въ крещальняхъ смѣшалась съ кровью избиваемыхъ... Наконецъ, Златоустъ былъ схваченъ и, несмотря на сопротивленіе толпы, былъ увлеченъ изъ храма.

Мрачно и уныло была встрѣчена тогда Пасха константинопольскими христіанами.

Чрезъ нѣсколько времени Іоаннъ былъ отправленъ въ ссылку подъ строгимъ конвоемъ солдатъ. Въ самый моментъ его удаленія сдѣлалась страшная гроза... молнія упала въ куполь Софійскаго храма... произошелъ страшный пожаръ. Вѣтеръ раздувалъ его: онъ превратился въ огненное пылающее море, которое захватило весь городъ и едва не достигло императорскаго дворца.

Конечно, враги Златоуста сейчасъ же обвинили друзей его въ поджогѣ; — это еще болѣе ухудшило его участь. Воинамъ приказано было обращаться съ плѣннымъ, какъ можно хуже, и они, дѣйствительно, съ безпощадной жестокостію мучили его. Больной изнурительной лихорадкой, издавна страдавшій тяжелыми желу-

дочными болями, хилый и слабый отъ природы и еще болѣе изнуренный отъ подвижнической жизни и тяжелыхъ трудовъ, онъ страдалъ невообразимо.

Палилъ южный зной; Іоанна Златоуста влекли подъ палящими лучами солнца, отчего невыразимо онъ страдалъ, ибо его голова была лишена волосъ. Дулъ пронзительный, леденящій вѣтеръ, шелъ дождь, а воины снова влекли его, трясущагося отъ изнурительной лихорадки. Наконецъ, то обоженный солнцемъ, то оледенѣлый отъ стужи, онъ падалъ на землю въ изнеможеніи, и лишь уста его беззвучно шептали молитву: — «слава Богу за все!», а у своихъ мучителей онъ просилъ только хотя немного состраданья, немного отдыха, но получалъ отказъ. — И они снова влекли его впередъ.

Сначала ему было назначено пребыванье въ небольшомъ городкѣ Кукузѣ, но когда тамъ поселился, онъ сдѣлался центромъ церковной жизни своего времени: — къ нему стало стекаться множество богомольцевъ, отсюда сталъ онъ разсылать свои грамоты, утѣшая, назидая и ободряя свою паству. — Это встревожило его враговъ: — «этотъ мертвецъ становится опаснымъ! — Вся Антіохія теперь въ Кукузахъ!»... И было дано распоряженіе перевести его еще дальше, въ полуразрушенный Пиоіунтъ. Но во время путешествія силы окончательно оставили Златоуста, и ему было разрѣшено остановиться въ домѣ священника при церкви св. мученика Василиска. Ночью, во снѣ, ему явился св. мученикъ и сказалъ: — «Не унывай, братъ Іоаннъ! — мужайся, — завтра мы будемъ съ тобой предъ лицемъ любвеобильнаго Бога!» На другой день Іоаннъ просилъ облечь его въ чистыя одежды, пріобщить Св. Таинъ. Долго и усердно онъ молился. Конечно, подобно своему Учителю и Господу,

онъ молился и за своихъ мучителей: — «Отче, отпусти имъ, ибо они не вѣдаютъ, что дѣлаютъ!»

Наконецъ, со словами: — «Слава Богу за все», — онъ предалъ свою душу Богу.

Прошло 30 лѣтъ; императоромъ въ то время былъ Ѳеодосій II. Народъ, не забывши своего благодѣтеля и учителя, потребовалъ останки Іоанна Златоуста: — «мы требуемъ, чтобы намъ возвратили тѣло отца нашего!» Враги Златоуста всѣ въ это время уже кончили дни свои, многіе изъ нихъ, — какъ бы въ наказаніе Божіе, — въ страшныхъ мученіяхъ.

Самъ императоръ чувствовалъ вину своихъ родителей предъ Златоустомъ и рѣшилъ, какъ можно торжественнѣе, перенести въ Константинополь гробъ съ мощами Святого. И вотъ императоръ, все духовенство, цѣлыя тысячи народа вышли навстрѣчу къ нѣкогда поруганному и выгнанному, какъ преступникъ, изъ города святителю Іоанну. Народъ плакалъ отъ радости. Императоръ Ѳеодосій снялъ всѣ знаки своего царскаго достоинства и, склонившись предъ святой гробницей, вслухъ всѣхъ съ рыданіями просилъ простить все то зло, которое ему причинили отецъ и мать. А патріархъ Проклъ вмѣстѣ съ народомъ воскликнулъ: — «Святитель Божій! — займи опять твой прежній престолъ».

Преданіе говоритъ, что изъ гроба въ это время послышался голосъ Златоуста: — «миръ вамъ!» Таково было торжество правды Божіей! Назидательна жизнь святителя! Поистинѣ она свѣтитъ яркимъ свѣтомъ христіанской вѣры и любви среди окружающаго насъ мрака. Онъ всего себя отдалъ Богу, онъ стремился лишь къ вѣчной жизни за гробомъ, и вотъ почему среди всевозможныхъ униженій и страданій, которыя бы подавили

и привели въ отчаяніе малодушнаго человѣка, онъ благодарилъ Бога: «Слава Богу за все! и за радости, и за горе!»

Такъ молился онъ, когда жилъ беззаботнымъ отрокомъ въ домѣ своей нѣжно-любящей его матери; такъ взывалъ онъ къ Богу въ пустынной кельѣ среди невѣроятныхъ подвиговъ подвижничества; такъ молился онъ на высотѣ архіепископскаго престола и ту же молитву неоднократно повторялъ онъ въ ссылкѣ, въ изгнаніи, среди безчеловѣчныхъ истязаній, терзаемый голодомъ, жаждой, болѣзнями, влачимый подъ палящимъ солнцемъ. «Слава Богу за все!» — были его и послѣдними словами здѣсь, на землѣ. О, если бы и намъ, въ нашей жизни, всегда слѣдовать примѣру св. Іоанна! Да поможетъ онъ намъ самъ въ этомъ своими молитвами предъ престоломъ Божіимъ!

Дорогіе братіе и сестры! вспоминая сегодня друга бѣдныхъ, великаго страдальца — Іоанна Златоуста, я невольно переношусь воображеніемъ изъ нашего шумнаго столичнаго города, изъ этой ярко-освѣщенной залы туда, далеко, въ бѣдную деревушку — и видится мнѣ полуразрушенная изба, и въ ней голодные люди — наши братья о Господѣ!.. Видится мнѣ малютка, одѣтый въ грязныя лохмотья; онъ протягиваетъ свои исхудалыя руки къ своей матери и жалобно проситъ у нея хотя кусочекъ хлѣба для утоленія голода. А за нимъ, за этимъ страдающимъ ребенкомъ, протягиваетъ къ намъ руки Святитель Іоаннъ Златоустъ и взываетъ: — «вы пресыщены, а несчастное дитя голодно; вы имѣете всего въ достаткѣ или изобиліи, а здѣсь ваши братья, или, вѣрнѣе, Самъ Христосъ, во образѣ меньшихъ братьевъ, всего лишенъ: и алчетъ, и жаждетъ, и наготуетъ!

Пожалѣйте же ихъ, и отрите ихъ слезы; помните, кто дѣлаетъ для бѣдныхъ и нищихъ, — дѣлаетъ для Самого Христа Спасителя! Благо же всѣмъ тѣмъ, кто помнитъ завѣтъ Христа и приходитъ на помощь голоднымъ и сирымъ! Благо и вамъ, что вы принесли имъ свою лепту! Благословеніе Святителя Іоанна Златоуста да будетъ съ вами во вѣки. Аминь.

